Е.Ю. Стабурова

Рижский университет им. П. Страдыня

Там, где встречаются политология и китаеведение: когнитивный сбой

Наше сообщение посвящено анализу статьи одного из виднейших теоретиков современной политологии Барри Бузана (Barry Buzan). Статья интересна во многих отношениях, – и прежде всего тем, что за китайскую тему взялся Б. Бузан. Нас же она будет интересовать в плане того, как происходит смычка политической науки с синологией. Мы исходим из того, что основная масса работ по политике и международным отношениям Китая носит дескриптивный характер. Там же, где вооружённые теоретическим инструментарием специалисты в области политической науки и международных отношений переводят фокус на Китай, их рассуждения и выводы не отличаются большой убедительностью. В свою очередь, китайские учёные, бесспорно владеющие китайским материалом и пытающиеся «подтянуть» китайскую эмпирику к политологическим теориям западного мира, пока не обрели в нём самостоятельного голоса. Впрочем, это уже другой сюжет, который не будет затрагиваться в рамках данной статьи. Свою задачу мы видим в том, чтобы рассмотреть статью Б. Бузана через призму китаеведения.

Предваряя нашу публикацию отметим, что в последние годы в области изучения Китая как объекта такой дисциплины, как международные отношения (оставим в стороне вопрос о том, является это разделом политологии или нет), произошёл реальный поворот, который заключается в том, что на площадке одного академического журнала – «Китайский журнал международной политики» (*Chinese Journal of International Politics*), выходящего в Оксфорде с 2006 года, объединили свои усилия крупные западные учёные и ведущие исследователи КНР. Значение этого сотрудничества трудно переоценить,

© Стабурова Е.Ю., 2014

потому что благодаря растущей роли КНР в мире и инициативам китайского руководства по пересмотру базисных понятий международной системы на предмет включения в неё китайских норм назрела необходимость сделать Китай предметом пристального внимания не только в практической политике, но и в политике теоретической. То, что к этому проекту присоединился учёный такого уровня, как Барри Бузан, является очень серьёзной заявкой на расширение теоретических границ политической науки, которая изначально выстраивалась на англо-саксонском материале. Среди участвующих в проекте ведущих учёных КНР можно назвать имена Янь Сюэтуна, директора Института современных международных отношений Университета Цинхуа (Пекин) – главного редактора журнала, а также сотрудника того же института ассоциированного профессора Сунь Сюэфэна, профессора международных отношений Чжан Жуйхуана из Центра Американских исследований Нанькайского университета, проректора Пекинского института международных отношений (Вайцзяо сюэюань) Цинь Яцина. В редакционный совет журнала входит и представитель России – Сергей Иванов (см.: [3]).

Статья Бузана, о которой пойдёт речь, была опубликована в 2010 году под названием «Китай в международном сообществе: возможен ли „мирный подъём“?» Обращение к анализу возможности «мирного подъёма» Китая Бузан обосновывает тем, что «подъём Китая является слишком важным вопросом для всех нас, для того, чтобы быть понятым либо через упрощённую теоретическую призму, либо через националистическое самовосприятие» [2, с. 7]. Слова об упрощённой теоретической призме очевидно относятся к коллегам Бузана, отрицающим возможность мирного перераспределения ролей на международной арене, а слова о националистическом самовосприятии – конечно, к Китаю. Из этого можно заключить, что статья Бузана вызвана его неудовлетворённостью тем, как раскрывается тема Китая в современной политической науке на Западе и в самой КНР. Второй аргумент Бузана в защиту темы сводится к тому, что появление нового гегемона на международной арене не может произойти без участия всех участников международного сообщества, поэтому этот вопрос не является приоритетом КНР, но касается всех. Учёный пишет: «Мирный подъём не может быть осуществлён в одиночку Китаем, но только Китаем и остальным международным сообществом, работающими вместе над созданием необходимых условий» [2, с. 7].

В качестве теоретической основы для своей статьи учёный выбрал английскую школу международных отношений, основателем которой считается Хедли Булл. Бузан пишет: «Мой основной вклад, таким образом, состоит в рассмотрении места Китая в мире через

теоретическую призму английской школы и её главной идеи – международного сообщества» [2, с. 6]. Критически относясь к представителям реализма в международных отношениях, рассматривающих мир через призму эгоистических интересов государств и их жёсткого противостояния, где все борются против всех, Б. Бузан тем не менее привлекает (как и в своих ставших уже классическими книгах) отдельные идеи реалистов.

Как и большинство авторов, пишущих о Китае в политологическом ключе, автор отстаивает точку зрения, в соответствии с которой нужно начинать с истории. Как пишет исследователь, «полезно, таким образом, начать с обзора истории того, как складывались отношения между Китаем и международным сообществом» [2, с. 7]. В качестве адекватной своему исследованию литературы по истории Китая он готов считать лишь работы, написанные с позиции английской школы. Между тем он сам признаёт, что почти нет литературы, в которой бы под этим углом зрения рассматривалась история международных отношений на Дальнем Востоке (Восточной Азии, в терминологии исследователя). Сам он опирается на две книги и одну статью (см.: [7; 8; 9]). Имеющаяся в изобилии литература по истории Китая, накопленная в китаеведении, оказалась невостребованной специалистом по международным отношениям, вызвавшемся дать обзор истории Китая в международном поле.

Б. Бузан сообщает, что в книге Адама Уотсона и статье Чжана Юнцзиня «исследуются институты международного сообщества периода Борющихся царств, различая суверенитет, дипломатию, политическое равновесие, элементы международного права (ритуалы); правда Уотсон скорее разглядел тенденцию перехода на сторону победителя, чем равновесие» [2, с. 8]. Эта цитата представляет собой пример того, как история Борющихся царств переформатируется в терминах английской школы. Оказывается, что история Китая интересует Бузана лишь в границах известных ему понятий – «международное сообщество (international society)», «политическое равновесие (balance of power)», «переход на сторону победителя (bandwagon)». Благодаря такому подходу, история древнего Китая из самостоятельного объекта исследования превращается в иллюстративный материал для подтверждения истинности теории Х. Булла.

Бузан признаёт, что такого автора как А. Уотсон мало интересует международное сообщество, его исследование посвящено, главным образом, внутриполитическим процессам создания централизованной империи в III в. до н.э. [2, с. 8]. То есть, оказывается, что из трёх публикаций по истории международных отношений Китая, по

крайней мере одна не отвечает задаче по выяснению того, «как складывались отношения между Китаем и международным сообществом». Если Бузан даже в отношении трёх используемых публикаций не выдерживает критерии, которые он сам установил для литературы по истории Китая, то вполне резонно было бы ожидать от него расширения списка источников по столь неблизкой ему теме. Но этого не происходит.

Бузан не скрывает того, что и две другие работы не совсем по теме. Чжана Юнцзиня, прежде всего, интересует система данничества, сложившаяся между Китаем и международным окружением. В свою очередь, Сёго Судзуки делает упор на анализ социальной природы конфуцианского миропорядка, в котором Китаю был обеспечен статус Серединного государства [2, с. 8]. Бузан также высказывает критическое замечание в отношении содержания книги А. Уотсона, в которой, как оказывается, «уделяется непропорционально большое внимание периоду Борющихся царств» [2, с. 8]. Иначе говоря, внимательно вчитавшись в реплики Бузана, можно выяснить, что две книги и одна статья по истории Китая, которыми он пользовался, концентрируются либо на глубокой древности, либо на частной проблеме даннических отношений императорского Китая с соседями, либо на практическом применении конфуцианской идеологии. В результате приходится констатировать, что содержание и объём сведений, которые мог почерпнуть Б. Бузан из указанной литературы, не коррелируются с его намерением «рассмотреть место Китая в мире».

Можно предположить, что знание хронологии древнего Китая не является обязательным профессиональным требованием для политолога. Но от Бузана, который из фактуры Борющихся царств выводит закономерности современных международных отношений КНР, мы вправе ожидать более или менее точных сведений о датировке эпохи Борющихся царств. Бузан, со ссылкой на Уотсона, называет 770–221 гг. до н.э. И хотя по нижней планке этой границы имеются как минимум две даты, обе они относятся к V веку до н.э. Фань Вэньлань называет 403 г. до н.э. началом периода Борющихся царств [10, с. 231]. Пекинский историк Чжан Фань считает, что эпоха Борющихся царств продолжалась 250 лет, завершившись в 221 году до н.э., то есть, относит её начало к 471 году до н.э. [11, с. 39]. В любом случае получается, что Бузан ошибся не менее, чем на 300 лет, объединив эпоху Борющихся царств с предыдущим периодом – Вёсен и осеней.

Освещение истории Китая Б. Бузаном имеет ещё один интересный аспект. Он утверждает, что после Борющихся царств в Китае настал следующий период, который продержался вплоть до XX века

и который он именует «имперским периодом». Из его утверждений следует, что все 22 века «Китай был сверхдержавой, однополярным образованием в центре сюзеренной системы» [2, с. 8]. Он с сожалением констатирует, что привлекаемые им авторы больше внимания уделяют эпохе Борющихся царств и «меньше внимания обращают на гораздо более длительный имперский период» [2, с. 8]. Профессионального китаеведа слова Бузана не могут не поразить смелостью обобщений и готовностью говорить о стране на отрезке её истории, превышающем 2 тысячи лет, не различая колоссальных изменений, которые претерпевал Китай за это длительное время. С точки зрения знатоков Китая разделение всей его истории на период Сражающихся царств и период «империи» это очевидное упрощение. Напомним, что за период «империи» Китай много раз находился в состоянии политической раздробленности, и вслед за сингапурским политиком и общественным деятелем Томми Кохом (Сюй Тунмэем) перечислим только главные вехи порабощения страны чужеземцами: киданьские династи Ляо и Западная Ляо, чжурчжэньская династия Цзинь, монгольская династия Юань, маньчжурская династия Цин [5, с. 201]. Считать, что все 23 века Китай был центром международной системы своего региона, основанной на отношениях вассалитета, по крайней мере, легкомысленно.

Приходится констатировать очевидный разрыв между тем огромным резервуаром знаний по разным периодам истории Китая, который накоплен китаеведением в самом Китае и за его пределами, и теми разрозненными сведениями, которыми пользуется Бузан. В этом контексте нелепо выглядит его призыв усилить работу по изучению Китая. Он буквально пишет следующее: «Многое ещё предстоит сделать для того, чтобы наполнить содержанием этот исторический рассказ, развивая обе его составляющие, как имперскую, так и Борющихся царств» [2, с. 8–9].

Определяя место Китая в мировой политике с древности до наших дней, Бузан насчитывает четыре периода, которые, по его мнению, можно сгруппировать в два больших периода – «доевропейская эра» и период после «столкновения с западным международным сообществом» [2, с. 6]. Так Запад становится своего рода камертоном для определения места Китая в мире.

Уместно будет обратиться к специфическому языку английской школы. В центре теории стоит понятие «международное сообщество». Ещё основатель этой школы предлагал трактовать «международное сообщество» как группу независимых государств, между которыми существуют взаимосвязи, основанные на общих ценностях и договорённостях. По словам Х. Булла, «международное сообщество»

существует там, где «группа государств, осознававшая определённые общие интересы и общие ценности, формирует сообщество в том смысле, что они сами собой ощущают себя связанными общим набором правил в их отношениях друг с другом, и принимают участие в работе общих институтов» [1, с. 13]. Естественным для создателя этой теории было считать, что уже изначально этот своеобразный клуб по интересам был подстроен под самоощущение тех стран, которые обслуживала эта теория. Остальные субъекты мировой политики теоретической мыслью английской школы либо игнорировались, либо объединялись в «международную систему». В процессе освоения особого языка этой школы выясняется, что запись в члены «международного сообщества» обусловлена степенью преданности Западу. Например, в это понятие не включался Советский Союз в годы своего существования. В эту категорию не включается коммунистический Китай времён Мао Цзэдуна как сила в холодной войне, враждебная Западу. Характерна фраза: «С победы коммунистов в Китае в 1949 году, Китай отказался от своей прежней политики интеграции с международным сообществом и выступил против Запада в холодной войне» [2, с. 11]. С 1970 года, по мнению Бузана, наблюдается «возвращение Китая к взаимодействию с международным сообществом» [2, с. 12]. Это означает, что КНР получила статус государства, «взаимодействующего» с «международным сообществом», но до сих пор так и не допущена в состав его членов.

С Китайской Республикой всё обстоит иначе. Правда, Бузан затрудняется назвать точную дату, начиная с которой она «преодолела свой второразрядный статус и полностью вошла в международное сообщество» [2, с. 10]. Он предлагает на выбор три даты: «1911 год (республика)», «1920 год (членство в Лиге Наций)» и «1943 год (конец экстерриториальности)» [2, с. 9]. Понятно, что ни 1920-й, ни 1943-й годы не могут претендовать на роль поворотных пунктов в истории международных отношений Китая. Особенно любопытно в этом контексте выглядит 1943 год, когда часть территории Китая была оккупирована Японией, а Бузан, по сути дела, акцентирует внимание на том, что в этот год была признана независимость Китая.

Разбираясь в том, как Бузан анализирует Китай, надо также иметь в виду специфический смысл, который он вкладывает в термины «государство» и «империя». Английская школа придерживается наиболее распространённого в политологических учениях взгляда на «государство» как на управляемый из одного центра независимый субъект международной политики, границы которого совпадают с границами расселения нации. «Государству» противопоставляется «империя», которая, по определению Адама Вотсона, «подразумевает…

прямое управление различными общинами из имперского центра» [8, с. 16; цит по: 6]. Именно эти теоретические установки объясняют повышенный интерес Бузана к периоду Борющихся царств, потому что сами царства принято в соответствии с этой классификацией считать «государствами». Этим же объясняется и странное, с точки зрения китаеведа, противопоставление «государств» и «империи», якобы неизменно существовавшей с III в. до н.э. по XX век. В табели о рангах английской школы быть «государством» более почётно, чем быть «империей». Поэтому «цивилизационно» близкий гоминьдановский Китай Бузан записывает в «государство». В этом контексте уже не удивляешься утверждению Бузана, что Китай смог стать «государством» только благодаря контактам с Западом, который «подтолкнул Китай с тому, чтобы из империи, каковой он был, он стал государством» [2, с. 9].

Запад, сердцевина которого находится в США, по мнению Бузана, это источник и воплощение универсальных идей и ценностей. Бузан заявляет, что США «полагаются на универсалистскую либеральную идеологию, которую, в принципе, можно приложить к остальному миру» [2, с. 22]. Китайские ценности, в его представлении, локальны и вовсе не «обязательны для находящихся вне китайской культуры» [2, с. 21]. Очевидно, что непреложность этого тезиса весьма относительна.

Сочетание культурно-(западно-)обусловленной теории и фрагментарных сведений о китайском дальнем и не столь дальнем прошлом стало для Бузана достаточным основанием для того, чтобы поставить вопрос о том, выполнимы ли претензии КНР на то, что развитие страны будет проходить мирно. Он подчёркивает, что в отличие от сторонников реализма, которые на этот вопрос дают однозначно негативный ответ, в рамках английской школы международных отношений имеются теоретические ресурсы, чтобы подойти к решению вопроса более гибко. Бузан говорит, что мирное развитие КНР возможно, но возможно лишь при выполнении трёх условий: поддерживать отношения с США, инициировать дружбу с Японией, выстраивать добрые отношения с «международным сообществом» [2, с. 22]. Иными словами Бузан советует Китаю продолжать плотно сотрудничать с США, крепить дружбу с главным союзником США в регионе – Японием, ориентироваться на «международное сообщество», центральное место в котором принадлежит США. Думается, что в данном случае очевидна идеологическая составляющая данных рецептов.

Пока Китай был готов идти в одной экономической связке с США, он, по мнению Бузана, 30 лет мог демонстрировать мирное развитие.

Но учёный сомневается в том, что в последующие 30 лет это будет возможно, прежде всего, в силу того, что на фоне ослабления международных позиций Америки существует большая вероятность того, что Китай будет дрейфовать в сторону от неё, что чревато конфликтами. Поддержка американских ценностей для Китая оказывается одним из главных условий мирного развития. О возможности негативного сценария предупреждают многие наблюдатели и его опасаются китайские политики, потому что существует взаимосвязь между ухудшением экономической ситуации в США и сужением американского рынка, что приведёт к невостребованности китайских товаров и в результате – к росту социальной напряжённости в стране. Но Бузан не затрагивает экономическую составляющую. Его анализ остаётся на уровне политики, и тут он видит, что без американского плеча «недемократическое» государство быстро скатится в пучину раздоров. То, что в самом Китае может быть достаточно здоровых сил, которые не допустят развязывания военных конфликтов, не обсуждается. Бузан также советует Китаю сначала доказать на региональном уровне свою способность выстраивать мирные отношения, а потом уже претендовать на глобальный уровень [2, с. 34].

Кроме того, Бузан требует от Китая дать точный ответ, какую международную систему он видит в будущем – многополярную с суверенными, национальными, равноправными государствами, развивающими собственные рынки, либо политически однополярную с глобальной экономикой. И рекомендует выбирать вектор движения соответственно сделанному выбору. Он предупреждает, что нынешнее положение Китая в мире нестабильно, так как Китай «остаётся незападным и не-демократическим государством», которое «мирно растёт на плечах глобального рынка и взаимозависимости» [2, с. 32], иными словами, использует «мировое сообщество», не соответствуя его ожиданиям на кардинальную перестройку внутри страны. Хотелось бы видеть от учёного, поставившего перед собой амбициозную задачу выработки рекомендаций Китаю по мирному развитию, более внимательного ознакомления с современным политическим дискурсом КНР. Относительно направления дальнейшего развития международной системы в КНР существует мнение, что будет усиливаться экономическая глобализация при развитии многополярности [4, с. 86]. Иначе говоря, из двух вариантов, предложенных Бузаном, китайские аналитики выбирают третий, серединный, вариант.

Выводы

Политология и китаеведение, встретившись в рамках одной статьи, не были приведены её автором к общему знаменателю. К сожалению, не произошло синергии между методами и знаниями, характерными

для каждой из дисциплин. Особенно большие проблемы возникли со стороны теории международных отношений, которая в данном случае представлена английской школой. Китайский фон наглядно высветил то, что понятийный аппарат английской школы не имеет универсального значения, но обусловлен культурой и идеологией.

Приходится констатировать, что синологические знания, за редким исключением, по-прежнему остаются уделом профессиональных китаеведов либо китайских авторов, что же касается такой по определению западной дисциплины, как теоретическая политология, то даже в тех случаях, когда она берётся за рассмотрение китайской проблематики, она не справляется с собственно китайским материалом. Это проявилось в лишённом смысла, с точки зрения решения актуальных задач, концентрировании внимания на частных и субъективно интерпретированных сюжетах китайского прошлого, в научно невыверенных суждениях о развитии Китая в XX в., в обращённых к КНР рекомендациях. Недостаточность системного понимания Китая компенсируется изначальной идеологической заряженностью подходов.

В то же время следует дать положительную оценку тому, что ведётся работа в направлении гармонизации и приведения к общему знаменателю китаеведения и теоретической политики. В таком смысле статья Бузана является важным шагом в этом направлении.

Литература

1. *Bull Hedley*. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics, London: Macmillan, 1977.

2. *Buzan Barry*. China in International Society: Is ‘Peaceful Rise’ Possible? // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. Pp. 5–36. http://cjip.oxfordjournals.org/content/3/1/5.full.pdf+html

3. The Chinese Journal of International Politics. Oxford: Oxford university press. http://www.oxfordjournals.org/our_journals/cjip/about.html

4. The Governing Principles of the Communist Party of China. Beijing: Foreign Language Press, 2012.

5. *Koh Tommy*. 21st century: China and the World // China and the Next 30 Years. Beijing: Central Compilation and Translation Press, 2011. Pp. 200–208.

6. *Stivachtis Yannis A.* The English School and the concept of ‘empire’: theoretical and practical/political implications // Global Discourse: An Interdisciplinary Journal of Current Affairs and Applied Contemporary Thought. 2013. Vol. 3. Issue 1. Pp. 129–135. http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23269995.2013.809241

7. *Suzuki Shogo*. Civilization and Empire: China and Japan’s Encounter with European International Society. London: Routledge, 2009.

8. *Watson Adam*. The Evolution of International Society. London: Routledge, 1992.

9. *Zhang Yongjin*. System, Empire and State in Chinese International Relations // Empires, Systems and States: Great Transformations in International Politics / *Michael Cox* et al., eds. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 43–63.

10. *Фань Вэньлань* 范文澜. Чжунго тунши цзяньбянь 中国通史简编 (Краткий курс общей истории Китая). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1965. Ди и бянь 第一编 (Часть 1).

11. *Чжан Фань* 张帆. Чжунго гудай цзяньши 中国古代简史 (Краткая история китайской древности). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2001.